

Выдохнул и набрал номер. Казалось, что тут такого, позвонить старой знакомой.

— Алло.

— Здравствуйте. А мне Наталью Петровну.

— А её нет.

— А кто вы?

— Её дочь. А кто звонит?

— Да так, дальний родственник.

— А кто?

— Да вы меня не знаете. И фамилия моя вряд ли вам что скажет.

Но себя назвал.

— Да, дочери фамилия точно ничего не скажет, а мне многое.

— Наташа, это ты?

— Это я.

В тот год Наташа приехала из областного города к бабушке в деревню, на молоко и сметану. На день рождения Алексей был приглашён специально для неё. По мнению её подружки, виновницы торжества, «Алёша — самое то».

Тем более что на днях он отместился около крыльца дома, где Наталья восседала на ступеньках с бабушкой Аниской, тормозным кульбитом на велосипеде. А может, и определённые симпатии с её стороны были. На что Алексей со своими комплексами и угловатостью, желанием выглядеть взрослее и умнее, иллюзий не питал.

В доме было душно, и все вышли на улицу. Его взяли под руку. Наташа взяла. И он поплыл, растаял от вина и внимания, доверился: можно было вести хоть на край света. Но повела к крыльцу, усадила на ступени. А может, это даже он привёл её к крылечку, венчающему строение начальной школы, в которой учился четыре года. В душе всё бурлило и пело. Говорил глупости. Выяснил, что её любимое созвездие — Большая Медведица. А вот на него Ковш всегда нагонял грусть. Когда же они дошли до палисадника дома, где Наталья обитала у тёти с дядей, прижал её к штaketнику и поцеловал. Решился. И услышал вырвавшийся из глубины стон: «Этого больше делать не надо». По жизни потом не раз слышал эти слова после первых поцелуев. А в тот раз воспринял всерьёз. Но в душе поселилась блаженная радость.

— Наташ, давай встретимся.

— Где?

— Буду ждать у магазина «Клондайк», тебе ведь удобно по пути с работы.

— Откуда ты знаешь?

— Я многое знаю, — не утерпел, напустил важности.

«Хороший понт — гарантия успеха», — научился по жизни кое-чему.

— Я приду.

На второй вечер решился и положил голову её на колени. В кино видел. Сразу отстранилась, но потом, видно, пожалела и стала гладить его кудри. Наташа была как бы старше и вела его в том направлении, в котором хотела. Но и он настойчиво делал всё, чтобы манила. Обычно в жизни так и происходило. Шага не делал к избраннице, пока не брала его за руку, чтобы повести. Наташа склонилась над ним, и он впервые услышал гулко бьющееся женское сердце. Притянул рукой голову, поцеловал. И опять отстранилась. Она как будто играла. Не по опытности — интуитивно. Потом долго бродили по степи. Подошли к водонапорной башне. Чтобы показать свою мужественность, влез по лестнице на самый верх и прикрепил на крайнюю точку, за неимением ничего более подходящего, извлечённый из кармана носовой платок. Когда спустился, был вознаграждён. Поцелуем. Ринулся на продолжение, но Наташа опять сдержала.

— Познакомься, это мой муж.

— Понял, — подавая Наташе розу. — Предлагаю кафе.

— Мы не против кафе? — повернулась к мужу.

— Попробовал бы я возразить, — улыбнулся тот, с интересом посмотрев на приглашающего.

Усадил мужа и жену в машину, подвёз к кафе. Рядом с гостиницей, где поселился.

На следующем свидании неожиданно поднял её на руки и понёс. Она не сопротивлялась, только спросила, как долго будет нести.

— Всю жизнь.

— Даже так?

Осторожно поставил на ноги, стал целовать. Взахлёб целовались весь вечер. И в следующую ночную теплынь тоже. Но эти свидания были прощальными. Алексей уезжал далеко и надолго, поступать в институт. Утром Наташа пришла провожать к автобусу. Так и запомнилась: в ярком утреннем солнце, в лёгком платьице, прикрывающей голову раскрытой книгой.

Потом были телефонные звонки и письма. Много писем, с признаниями и стихотворениями. «Здравствуй. Посылаю стих.

*Хотел бы демоном я быть,
Чтоб не страдать и не любить.
И быть свободным, словно дух.
Не знать бы тёплых твоих рук,
Не знать сомнений и печали,
Чтоб ветры жизни меня мчали
Годами просто и легко,
Пусть ты была бы далеко.
Поверь, намного было б легче
Моей душе ...*

— как всегда, с трепетом без памяти влюблённого. — Знаю, так

себе, но это тебе и рад, что увидишь».

«... Показала твои письма подруге. Она в восторге от твоей писанины ...»

Через год без предупреждения появился к Наташе в её город. Восторга не увидел, что пригасило горячую волну в сердце. Целовались, но без той безудержности, как прежде. И распрощались без эмоций.

На письма Наташа отвечать перестала.

Душевно общались, смеялись и вспоминали давнее. Заиграла музыка. Как по заказу, из их юности. Пригласил на танец.

— А ты изменился, стал уверенным, — проговорила Наташа, глядя в лицо.

— Жизнь изменила.

— Ты что, так и влюблён в меня?

— О чём ты говоришь. Как я могу не любить свою юность.

— Почему раньше не обозначился? Ты же всегда был недалеко и знал, где я.

— Зачем, Наташ? Вот увиделись, и хорошо. Признайся, ведь ты никогда не была в меня влюблена? — спросил, заглянув в глаза.

Промолчала.

Когда прощались у такси, потянулась к нему.

— Прости меня, — прошептала, пристально всматриваясь в его лицо, как будто пыталась вернуть в памяти того юного мальчишку.

— За что, Наташ? Только не думай, что эта встреча — упрёк.

Или что хочу показать, какой я хороший. Просто давно хотел увидеться, встретить свою юность. Вот сегодня время и пришло, — поцеловал её лицо и почувствовал на губах солёный привкус.

Звонил на дни рождения и праздники. Ничего не изменилось. Но возникла тёплая нотка в их отношениях. Как будто восстановилась линия жизни, сняли с неё тяжёлый груз.

А однажды позвонили и сказали: «Наталья умерла».

Он не удивился. Знал, что тяжело болела.

После похорон пришёл домой, сел на кресло. Закрыв глаза, задумался.

Звякнула посуда. Открыл глаза.

Жена ставила перед ним рюмку с графинчиком и тарелочку с лимоном.

— Тяжело прощаться с юностью? — улыбнулась грустно.

— Ты, как всегда, в точку.

— Ладно, погрусти.

Налил и выпил. Неожиданно, как будто от ветерка, прозрачная лёгкая штора балкона откинулась, и влетела белая голубка.

Села на ковёр и, шагнув поближе, воззрилась на него радужными зрачками.

От неожиданности замер. Придя в себя, позвал Инну.

— Возьми осторожно, выпусти на улицу, — тихо произнёс, показав глазами на птицу.

Голубка покорно дала взять себя в руки. Инна вынесла её на балкон и выпустила.

— Что это было? — спросила, вернувшись.

— Натали прощаться залетала, — тихо сказал он.

— Ну да, кроме как с тобой прощаться ей больше не с кем, — с лёгкой ревностью в голосе ответила жена.

— Кто знает, — задумчиво ответил и снова потонул в летних вечерах юности.

Он не противился набегавшим воспоминаниям. В потоке мыслей мелькнули любимые строчки Евгения Баратынского:

*«Не властны мы в самих себе,
И в молодые наши леты
Даём поспешные обеты,
Смешные, может быть,
Всевидящей судьбе».*